

—

(Часть 14)

Цюй Лянь выдернул запястье, отказавшись отвечать на вопрос Янь Чангэ. Он взял палочки и принялся жадно есть, полностью игнорируя собеседника и намереваясь утопиться в еде.

«Почему ты такой непослушный? Это же твоё тело», — Янь Чангэ, видя смущение Цюй Ляня, не стал больше его отчитывать, а лишь беспомощно вздохнул. — «Раз уж я взялся за это, то не брошу на полпути. Просто тебе слишком долго не хватало энергии ян, и невозможно восполнить её сразу. Не торопись, дай мне ещё немного времени».

Видя, что Цюй Лянь так и не поднял головы, Янь Чангэ беспомощно погладил его по волосам и, как обычно, забрав свою порцию, вернулся в комнату. Янь Чангэ не собирался есть злаки. Он не был живым существом, обретшим человеческий облик, и ему действительно не нужно было есть. Чтобы переварить эту пищу, ему пришлось бы тратить свою истинную энергию. Кроме того, все примеси в теле Янь Чангэ с самого рождения были сожжены огнём, и он был, по сути, самым чистым и незапятнанным совершенствующимся в мире. Даже если бы он не беспокоился об истинной энергии, он не собирался есть такую наполненную примесями пищу.

Вернувшись в комнату, он с помощью истинной энергии полностью уничтожил еду, не оставив ни пылинки. Через некоторое время он сделал вид, что поел, взял пустую миску и услышал, как Цюй Лянь разговаривает по телефону с Цюй Фэном.

«Алло, дядя, это Сяолянь. Нет-нет, я ничего не натворил. Дядя, что ты такое говоришь, разве я не могу звонить дяде, если ничего не натворил?» — Цюй Лянь увидел, как Янь Чангэ спустился, сделал ему жест «тихо» и продолжил. — «Дядя, ты знаешь о деле Ван Яньфэна? Нет, нет, как я мог на него запасть? Мне просто не повезло, меня похитили, но меня уже спасли. Я дам показания в суде. Не волнуйся, дядя, я не позволю этому отребью из мира боевых искусств остаться безнаказанным».

Янь Чангэ сел рядом с Цюй Лянем и спокойно слушал его разговор с Цюй Фэном.

«Дядя, раз уж ты знаешь о деле Ван Яньфэна, то есть кое-что, что нужно с тобой обсудить. Когда меня похитил Ван Яньфэн, меня спас отшельник древних боевых искусств по имени Янь Чангэ, и я нанял его телохранителем. Оказалось, что он очень способный. Он просто посмотрел видео, как мой отец практиковался, и восстановил базовое руководство по боевым искусствам нашей семьи! Он сказал, что если дать ему посмотреть больше глубоких приёмов, он сможет восстановить всю внутреннюю технику семьи Цюй... Дядя, не волнуйся, не волнуйся, сначала выпей сердечное лекарство, выпей воды! Он не мошенник, точно не мошенник! Он такой наивный простака, что его самого скорее обманут, как он может обманывать других. К тому же, он уже записал для меня вступительную технику. Дядя, я принесу её завтра, чтобы ты оценил... Что? Ты хочешь приехать прямо сейчас? В этом нет необходимости, уже так поздно...

Алло? Алло?»

Цюй Лянь положил трубку и сказал Янь Чангэ: «Видишь, я же говорил, что дядя, наверное, примчится сюда».

«Я приберусь в комнате для приёма гостя», — Янь Чангэ встал.

Будучи драгоценным мечом, который передавался среди знати и богачей, Янь Чангэ имел хороший опыт в этикете гостеприимства. Он тут же прибрался в комнате и вышел во двор и рассадил по обе стороны ворот более крупных Сяомао и Сяоту, охранять по обе стороны от входной двери, а Сяоми и Сяохуа — у двери в дом. Неизвестно, как он это сделал, но стоило ему только сказать слово, как эти бродячие, никогда не обучавшиеся животные послушно встали на свои места.

Цюй Лянь: «...»

Затем Янь Чангэ поспешно вскипятил воду, достал отборный чай и фрукты из холодильника и расставил их на столе.

«Не нужно такой торжественности», — небрежно сказал Цюй Лянь. — «Мы же семья, к чему церемонии».

«Именно потому, что вы семья, нужно сделать так, чтобы он чувствовал себя комфортно, как дома», — у Янь Чангэ было другое мнение. — «К гостям достаточно проявить вежливость, но к членам семьи нужно относиться с особой заботой».

«Ты действительно очень чуткий человек», — восхищённо сказал Цюй Лянь.

Янь Чангэ лишь взглянул на него и ничего не ответил.

Он не совсем понимал, каким человеком он предстаёт в глазах Цюй Ляня. В нём клубилась злая ци, из-за чего люди боялись его. Шэнь Ифэй при каждой встрече невольно проявлял враждебность и тянулся за оружием, а Цюй Лянь всегда сам лип к нему; он убил бесчисленное множество людей, его руки обгажены кровью живых существ, и он не испытывал особого сочувствия к людям или другим созданиям, а все его действия были лишь ради накопления заслуг, но Цюй Лянь искренне восхищался им как хорошим человеком; его сердце было выковано из чёрного железа, он был без крови и слёз и совершенно не понимал человеческих чувств, но Цюй Лянь назвал его чутким человеком.

Он всегда старался вести себя как человек, основываясь на своём понимании людей, но не знал, как его видят со стороны. Янь Чангэ было очень любопытно узнать, каков он в глазах Цюй Ляня.

Но сейчас было не время для расспросов, да и спрашивать только одного человека было недостаточно. Янь Чангэ молча запомнил это и решил расспросить подробнее, когда будет время.

Вскоре Цюй Фэн примчался из старого особняка в новый городской район, где жил Цюй Лянь. Кто знает, как сильно он давил на газ, чтобы доехать так быстро.

Ему было около пятидесяти, но он хорошо следил за собой и выглядел не старше сорока. Цюй Лянь был немного похож на него, но если Цюй Фэн излучал величие, то Цюй Лянь был просто красив.

Большинство людей, увидев Цюй Фэна, даже не зная, что он магнат, не осмеливались смотреть ему в лицо из-за его внушительной ауры. Но отшельник древних боевых искусств по имени Янь Чангэ был другим: он прямо посмотрел Цюй Фэну в глаза и даже протянул руку. Но Цюй Фэн, переживший столько за эти годы, не осмелился пожать эту молодую руку.

Это было слишком страшно! При виде этого человека Цюй Фэн почувствовал острое желание развернуться, прыгнуть в машину и уехать. Войдя в зону ауры Янь Чангэ, он словно вступил в Домен Смерти: вокруг не было ни малейшего намёка на человеческое тепло, только леденящий до костей холод.

Цюй Фэн использовал всю свою силу воли и пятидесятилетний жизненный опыт, чтобы заставить себя стоять перед Янь Чангэ и не сбежать, но он действительно не мог протянуть руку, чтобы прикоснуться к этому человеку, и не мог начать светскую беседу. Он с трудом посмотрел на своего племянника и увидел, что этот бесшабашный парень сидел прямо рядом с этим человеческим орудием убийства и даже не побоялся взять Янь Чангэ под руку. Цюй Фэн, увидев, как Цюй Лянь касается Янь Чангэ, почувствовал, как у него самого болят руки. Ему казалось, что рука Цюй Ляня скользит по лезвию меча и при малейшей неосторожности его пальцы будут отрублены, а кровь прольётся ручьём.

Цюй Лянь совершенно не чувствовал, что его дядя борется за жизнь. Видя, что Янь Чангэ дружелюбно протягивает руку, а дядя так долго её не пожимает, он подумал, что Цюй Фэн пытается показать, кто здесь хозяин, и самовольно взял дядю за руку, положив её в ладонь Янь Чангэ.

Цюй Фэн: «...»

Племянник, разве я недостаточно тебя любил? За что ты так меня подставляешь!

К счастью, Янь Чангэ уже подавил свою энергию меча, и Цюй Фэн лишь почувствовал, что его рука очень холодная, а не словно режется ножом.

Вместе с Цюй Фэном приехал его сын, Цюй Жуй, двоюродный брат Цюй Ляня, который был старше его на три года. Сейчас в следующем поколении семьи Цюй оставалось только эти двое

мужчин.

У Цюй Жуя не было такого жизненного опыта, как у Цюй Фэна, и хотя он сразу почувствовал, что Янь Чангэ выглядит как нехороший человек, он не ощутил того глубокого страха, что испытывал Цюй Фэн. Он лишь кивнул Янь Чангэ, а затем переключил внимание на кошек и собак в комнате. У этих животных были раны, и они были недружелюбны к людям, но Цюй Жуй, любитель животных, сразу понял, насколько они умны и полны духовной энергии.

«Это... бродячие кошки и собаки? Сяолянь, ты их держишь?» — спросил Цюй Жуй.

«Не я, а Янь Чангэ, этот чрезмерно добрый человек, который не мог вынести их страданий на улице, и поселил их дома. Он даже планирует после того, как станет известным, создать фонд защиты бездомных животных. Он такой чрезмерно добрый человек», — сказал Цюй Лянь. — «Дядя, Жуй-гэ, не стойте у двери, заходите».

Цюй Фэн и Цюй Жуй обменялись взглядами. Один интересовался животными, а другой не хотел находиться в одном маленьком помещении с Янь Чангэ. Ему постоянно хотелось принять лекарство для сердца.

Янь Чангэ, естественно, с первого взгляда понял настороженность Цюй Фэна. Он знал толк в атмосфере противостояния, ему было ясно, что Цюй Фэн инстинктивно считает его врагом. Так они никогда не встанут на одну сторону, и нужно было что-то предпринять, чтобы выйти из тупика.

Поэтому Янь Чангэ сказал Цюй Ляню: «Раз уж председатель Цюй хочет прогуляться во дворе, я продемонстрирую этот вступительный комплекс фехтования семьи Цюй во дворе, ведь в комнате тесно».

Сказав это, он вышел в центр двора и слегка выпустил сдерживаемую убийственную ци. Цюй Фэн напрягся ещё сильнее, а четыре кошки и собаки быстро нашли укромный уголок, чтобы молча наблюдать за демонстрацией Янь Чангэ.

Семья Цюй славилась фехтованием. Чтобы контролировать мощь своего искусства, Янь Чангэ не использовал меч, который бережно хранил Цюй Лянь, а сломал ручку швабры, получив железный прут примерно той же длины, что и меч. Он решил использовать прут как меч, чтобы было легче контролировать движения и не поранить людей.

Убийственная ци загнала всех в угол. Даже Цюй Лянь, который обычно любил находиться рядом с Янь Чангэ, с трудом мог приблизиться к нему в этот момент. В центре просторного двора Янь Чангэ слегка взмахнул ручкой швабры. Со взмахом швабры в саду поднялся неизвестно откуда взявшийся лёгкий ветерок.

«Ветер меча.....» — тихо воскликнул Цюй Фэн. Всего один приём, и он понял, что это было движение меча, которое можно было выполнить только с помощью внутренней силы,

наработанной практикой внутренней техники семьи Цюй. Он видел, как его отец и его младший брат использовали его, но сам он никогда не достигал этого уровня из-за недостаточных способностей.

Ветер, который подняла ручка швабры, пронёсся над листьями и газоном во дворе. Ручка не касалась листьев, но листья, которых коснулся ветер, разлетелись на куски, как только ручка отделилась, и осыпались по всему двору.

Вскоре земля была усеяна обрывками листьев. Даже несколько лепестков из клумбы долетели до Цюй Ляня, но, что странно, эти лепестки не рассыпались, как листья, а упали целыми в ладонь Цюй Ляня.

«Разбей Листья, Защити Цветок» — так назывался этот вступительный комплекс фехтования. Это означало, что фехтовальщик должен был владеть техникой достаточно точно, чтобы уничтожить все листья на цветке, но надёжно защитить сам цветок, скрытый в зелени. Критерием завершения обучения для каждого ученика семьи Цюй, практиковавшего этот приём, было выполнение этого движения против цветка: проверить, сможет ли он разорвать все листья, сохранив при этом прекрасный цветок. Чем сильнее были измельчены листья, тем более искусным считался фехтовальщик.

Цюй Фэн опустил голову и посмотрел на изуродованные листья на земле: они были измельчены так, что казалось, будто на весь двор посыпался зелёный снег, оседая на земле. И только тот неприметный маленький цветок, который лежал в ладони Цюй Ляня, был совершенно невредим.

(Часть 15)

Согласно семейным записям, даже в самые процветающие времена семьи Цюй никто не мог довести этот комплекс фехтования до такого совершенства. А этот человек, который вообще не учился фехтованию семьи Цюй, достиг такого уровня, просто посмотрев видео!

В этот момент весь страх и настороженность Цюй Фэна по отношению к Янь Чангэ были отброшены. Он быстро подошёл к Янь Чангэ, схватил его за руку и взволнованно спросил: «Как ты это сделал?»

Янь Чангэ, невозмутимый, ответил: «Я лучше всего разбираюсь в фехтовании. Я изучил тысячи комплексов, каждый из которых соответствует различным внутренним техникам. Именно благодаря моему глубокому знанию фехтования и внутренних техник я смог кое-как восстановить этот комплекс. Если бы это было другое оружие или искусство ладоней и кулаков, это было бы не так просто».

Он сказал, что это было не так просто, но не сказал, что невозможно. Цюй Фэн потрясённо осмотрел Янь Чангэ с ног до головы и спросил: «Ты выглядишь моложе Сяоляня. Как ты мог освоить столько комплексов?»

В удостоверении личности Янь Чангэ было указано 25 лет, одного возраста с Цюй Лянем. Невероятно, чтобы в таком возрасте он обладал таким высоким боевым мастерством.

«Это...» — Янь Чангэ подумал и ответил: «Моя школа собрала много текстов боевых искусств со всего мира. Я вырос, читая эти тексты, и освоил их все».

Три года — это всего лишь чуть более тысячи дней. Если Янь Чангэ начал учиться в пять лет, то за следующие двадцать лет, то есть за чуть более шести тысяч дней, он освоил тысячи комплексов фехтования. Это значит, что он учил по одному комплексу почти каждый день. Каким же талантом нужно обладать, чтобы сделать это?

Конечно, для Цюй Фэна всё это было неважно. Самое главное, что этот вступительный комплекс фехтования был настоящим, от начала до конца.

«Это... Господин Янь», — Цюй Фэн больше не боялся убийственной ци Янь Чангэ, он сам протянул руку, чтобы пожать его руку, и сказал: — «Да-да-да, скорее проходи в дом. Сяолянь, иди скорее, налей господину Яню чаю».

Цюй Лянь: «...»

Когда Цюй Фэн приказал, Янь Чангэ не мог позволить Цюй Ляню заваривать чай. Это был отборный чай, и только тот, кто умеет заваривать, сможет раскрыть его лучший аромат. Цюй Лянь, который пил чай как корова воду, глотая его, как пиво, точно не умел этого делать. Позволить ему заваривать такой чай было бы варварством.

Что касается самого Янь Чангэ, то за эти годы, сопровождая своих хозяев на приёмах, он всегда наблюдал, как другие заваривают чай, и немного разбирался в чайной церемонии.

Поэтому, используя неизвестную технику, он легко высвободил свою руку из хватки Цюй Фэна, в следующее мгновение оказался рядом с Цюй Лянем, хлопнул его по плечу и сказал: «Я заварю чай».

Цюй Лянь спокойно сел на диван. За эти дни он привык к заботе Янь Чангэ, и поскольку он давно знал о его боевом мастерстве, этот комплекс фехтования не вызвал у него особого удивления.

«Сяолянь», — Цюй Фэн был очень рад, что сегодня он принял сердечное лекарство, иначе он не выдержал бы такого сюрприза. — «Расскажи мне, что это за человек, господин Янь».

Янь Чангэ ушёл на кухню заваривать чай и нарезать фрукты, оставив место для семьи. Цюй Лянь быстро рассказал о своей встрече с Янь Чангэ и обо всём, что произошло с тех пор, живописно возведя боевое мастерство Янь Чангэ на пьедестал.

К тому времени, когда Янь Чангэ принёс нарезанные фрукты и чайник, Цюй Лянь закончил свой рассказ. В этот момент председатель Цюй был в замешательстве.

Основываясь на своём многолетнем опыте оценки людей, он считал, что Янь Чангэ определенно был амбициозным, могущественным, безжалостным и порочным тираном, возможно, со многими жизнями на руках. Но кто этот «хороший парень, похожий на Губку Боба», о котором говорил Цюй Лянь? Он его совершенно не узнавал! Он верил Цюй Ляню, но не доверял его эмоциональному интеллекту и его способности судить о людях. Опасаясь, что его племянника обманут, но не желая упускать возможность восстановить наследие внутренней техники семьи Цюй, он решил проверить мотивы Янь Чангэ. Чего же он добивается, намеренно сближаясь с Цюй Лянем? Если это то, что он может себе позволить, Цюй Фэн был готов обсудить.

Увидев, что Янь Чангэ приближается с подносом, Цюй Фэн поспешно толкнул сына: «Жуйжуй, как можно позволять гостю работать? Иди, помоги».

Цюй Жуй тоже не верил словам Цюй Ляня. Он тут же встал, взял чайник у Янь Чангэ и разлил чай всем. В тот момент, когда чай наполнил чашки, его аромат распространился по комнате. Даже Цюй Лянь, который обычно не любил чай, почувствовал, что этот чистый аромат был очень приятным.

Цюй Фэн отпил глоток и похвалил: «Прекрасный чай, прекрасное мастерство. Я не ожидал, что господин Янь так искусен даже в чайной церемонии».

«Немного разбираюсь», — Янь Чангэ слегка улыбнулся, скрывая свои заслуги.

«Для нас, семьи Цюй, большая честь знать такого человека, как господин Янь. Господин Янь, вероятно, слышал от Сяоляня о ситуации в нашей семье. Эта внутренняя техника имеет для нас первостепенное значение. Если господин Янь сможет восстановить её, то семья Цюй, несомненно, сделает всё возможное, чтобы удовлетворить любые ваши требования», — сказал Цюй Фэн.

Он говорил хитро: сказал «сделает всё возможное», но не сказал, что «обязательно выполнит». Он ждал реакции Янь Чангэ. Будет ли он доволен, или же...

«Нет необходимости», — равнодушно ответил Янь Чангэ. — «Передать боевое искусство, которое вот-вот будет утеряно, — это хорошее дело. Видеть, как наследие семьи Цюй продолжается, — это самая большая награда для меня».

Янь Чангэ говорил это искренне. Он уже получил заслуги от благодарности отца и сына Цюй, когда продемонстрировал им фехтование. Передача наследия также была очень важным делом. Когда он полностью восстановит технику, вся семья Цюй будет обязана ему, и Небесное Дао тоже засчитает ему заслуги. Этого вознаграждения ему было достаточно. Если Цюй Фэн сможет записать этот факт и передать его, будет ещё лучше: каждый потомок семьи Цюй, который будет изучать это искусство, будет испытывать к нему благодарность, а такая заслуга

будет постоянной.

Цюй Фэн и Цюй Жуй: «...»

Он говорил так искренне, но ему было невозможно поверить. Не попросить ничего — не скрывается ли за этим ещё больший заговор?

Но Цюй Лянь, который был на стороне Янь Чангэ, не был доволен его словами. Он похлопал Янь Чангэ по плечу и сказал: «Как это ничего не нужно? Я же говорил тебе, пусть дядя наймёт тебя консультантом корпорации Цюй. Ты будешь обучать следующее поколение семьи Цюй боевым искусствам, а мы поможем тебе прославиться и заработать денег. Не говори, что деньги — внешнее достояние. Только внешнее достояние может помочь тебе осуществить свои желания. Не забывай о Сяомао и других — обездоленные слои населения по всей стране и по всему миру ждут тебя».

Цюй Фэн и Цюй Жуй: «...»

Видя, как Цюй Лянь его защищает, Янь Чангэ почувствовал утешение и мягко сказал ему: «Если это поможет тебе, то я согласен работать и безвозмездно. К тому же, после Нового года я смогу пойти помогать с тренировками в полицию, тогда я тоже смогу прославиться».

Быть инструктором — это тоже большая заслуга. Обучение людей — это заслуга, которая может передаваться веками. Если бы Конфуций был культиватором, то его заслуги увеличивалась бы с каждым новым учеником, присоединяющимся к конфуцианству.

Такое бескорыстие Янь Чангэ заставило Цюй Фэна выглядеть мелочным. Он тут же поспешил согласиться со Цюй Лянем: «Если это такое простое дело, то семья Цюй, конечно, может его выполнить. Но господин Янь, это действительно единственное твоё требование, больше ничего?»

«Больше ничего», — Янь Чангэ покачал головой.

«Хорошо», — Цюй Фэн стиснул зубы и сказал: — «Не будет ли у господина Яня времени завтра? Мы можем поехать в компанию и обсудить контракт».

«Это было бы лучше всего», — Янь Чангэ улыбнулся и кивнул. — «Сейчас все мои расходы покрывает Цюй Лянь, и даже за тех нескольких животных, которых я подобрал, приходится платить Цюй Ляню. Так продолжаться не может. Если подписание контракта с вашей компанией позволит мне заработать денег, чтобы отплатить Цюй Ляню, это будет замечательно».

Цюй Фэн и Цюй Жуй: «...»

Этот человек спас Цюй Ляня несколько раз и работает телохранителем с полным пансионом, но он чувствует себя неловко из-за того, что пользуется деньгами Цюй Ляня? Даже если бы он не спас Цюй Ляня, за одну только работу телохранителя он должен был бы наслаждаться этим отношением. Как можно чувствовать себя виноватым из-за этого?

Это правда или ложь? Отец и сын Цюй обменялись взглядами, и в глазах обоих читалось недоумение.

Несмотря ни на что, ради будущей внутренней техники, даже если Янь Чангэ был большой ловушкой, Цюй Фэн был готов в неё прыгнуть. Тем более что теперь человек просил лишь должность консультанта, что было взаимовыгодным. Даже если бы Янь Чангэ не восстановил технику, он заслуживал этой должности благодаря своему мастерству. Цюй Фэн не мог не согласиться на такое простое требование.

Цюй Фэн решил, что его юристы составят контракт завтра утром, и Янь Чангэ подпишет его во второй половине дня. Вернувшись домой, он собрал бы семейные реликвии, достал все старые видеозаписи боевых искусств и передал бы их Янь Чангэ, чтобы он мог продолжить восстановление техники.

После того, как всё было решено, руки Цюй Фэна задрожали, когда он принял от Цюй Ляня две копии внутренней техники и приёмов меча: одну, написанную Янь Чангэ стилем малой печати, и одну, переписанную самим Цюй Лянем. Судя по реакции Цюй Фэна, копия, написанная Янь Чангэ, скорее всего, будет храниться как семейная реликвия, а потомки семьи Цюй, которым повезёт её увидеть, получают, вероятно, только копию Цюй Ляня.

Перед уходом Цюй Жуй увидел, что три собаки и одна кошка снова стоят в строю, как стражи ворот, провожая их. Он не мог не спросить: «Как ты дрессировал этих бродячих животных, что они такие послушные? Может быть, ты немного разбираешься и в дрессировке животных?»

Янь Чангэ скромно ответил: «Вовсе нет. Просто эти животные долго бродяжничали на улице и очень проницательны. Они быстро понимают то, что я говорю. Дело не в том, что я умею дрессировать, а в том, что они изначально очень умны».

Цюй Жуй не поверил. По глазам этих животных было ясно, что они полны ненависти к людям. Они, может, и понимали, но не могли быть послушными. Тот факт, что Янь Чангэ мог заставить этих маленьких животных беспрекословно выполнять его команды, говорил о его невероятном мастерстве.

Сев в машину, отец и сын Цюй вздохнули. Цюй Фэн сказал: «Этот Янь Чангэ... Я прожил столько лет, но впервые встречаю человека, которого не могу разгадать. Он явно очень умён, но почему каждое его слово звучит так искренне? Он должен быть безжалостным, но почему все его поступки так добры? Это... сбивает с толку».

Цюй Жуй беспокоился меньше, чем отец. Он оглянулся на удаляющуюся дверь. Две раненые большие собаки повернулись и вошли внутрь, закрыв дверь лапами и мордами. Цюй Жуй

усмехнулся: «Когда приходят солдаты, мы строим баррикады, когда приходит вода, мы строим плотины. Даже если он очень силён, разве может он быть сильнее нашей корпорации Цюй? Посмотрим, каковы его истинные намерения. Если он действительно такой, как говорит Сяолян, то нам не о чем беспокоиться...»

«Невозможно!» — воскликнули отец и сын в унисон.

Этот Янь Чангэ действительно был загадкой!

—

Автору есть что сказать:

Далее следует момент, когда Цюй Фэн и его сын получают пощечины.

Цюй Фэн: У Янь Чангэ наверняка огромные амбиции и какой-то секрет.

Цюй Жуй: Янь Чангэ, возможно, обучит животных убивать.

Ассистент Янь Чангэ: Янь Чангэ пожертвовал все деньги, заработанные на реалити-шоу, на благотворительность.

Па-па-па (звук пощёчин)

Цюй Фэн и Цюй Жуй: Он обязательно не выдержит, он обязательно покажет свой лисий хвост.

Ассистент Янь Чангэ: Янь Чангэ пошёл работать добровольным пожарным и, рискуя жизнью, спас из огня троих детей и одну кошку.

Па-па-па

Цюй Фэн и Цюй Жуй: Не может быть такого доброго человека на свете, продолжайте следить.

Ассистент Янь Чангэ: Янь Чангэ...

Цюй Фэн и Цюй Жуй: Подожди.

Цюй Фэн па-па-па ударил сына три раза, а потом па-па-па ударил себя три раза и продолжил: Говори.

Ассистент Янь Чангэ: Янь Чангэ сказал, что срок контракта истёк, и спросил, не хотите ли вы его продлить.

Цюй Фэн и Цюй Жуй: ...

Шэнь Ифэй: Я понимаю, как у вас болит лицо, давайте подружмся, обнимашки, QAQ.

—

<http://bllate.org/book/14517/1285727>